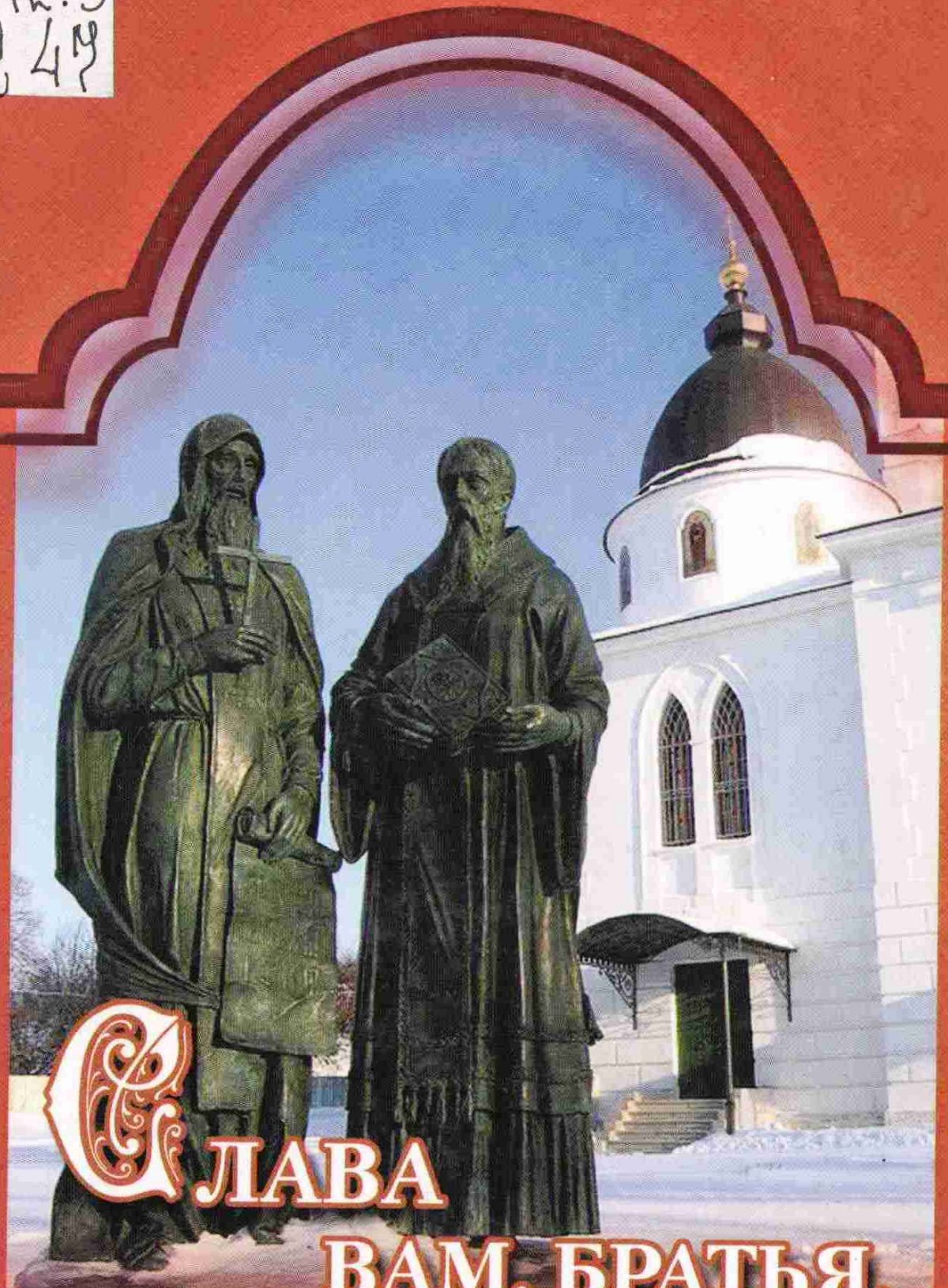
Ор72.9
С 47

Слава Вам, братья, славян просветители!

Ор72.9
С47
Ор72.92
81.2=411.2
+Ор81
+Ор82
+Ор83.3

Министерство информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области

Филологический факультет Оренбургского государственного педагогического университета

Межинститутский Центр этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН и Института управления ОГАУ

А-305970
17
18

«Слава вам, братья, славян просветители!»

Материалы научно-практических конференций

Серия «Многонациональный мир Оренбуржья»

Выпуск 24

Оренбург
Издательский центр ОГАУ
2008

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им.Н.К.КРУПСКОЙ"

А.Г. Прокофьева

Особенности стиля В.И. Даля, отразившиеся в его произведениях оренбургского периода

Рассмотрение литературы в аспекте стиля имеет богатую традицию. Современные литературоведы под стилем писателя подразумевают эстетическое единство элементов содержательной художественной формы, выражающее оригинальность того или иного художника слова.

Стилевая манера В.И. Даля начала складываться в оренбургский период (1833 – 1841), время интенсивной творческой деятельности, когда писатель продолжил работу над циклом сказок (в Оренбурге им было написано 16 сказок), пробовал силы в создании произведений разнообразных жанров – повестей, рассказов, очерков, эссе, притч и т. д.

Его произведения этих лет публиковались на страницах лучших периодических изданий России – «Отечественных записок», «Москвитянина» и др. В 1833 – 1839 гг. в «Библиотеке для чтения» Сенковского в разделе «Были и небылицы» печатались сказки писателя («О воре и бурой корове», «О Строевой дочери и о коровушке Буренушке», «Сказка о прекрасной царевне Милонеге-Белоручке, по прозванью Васильковый глазок, и о трехстах затяжных волокитах и поклонниках ее» и др.). Ряд произведений этого периода не связан содержанием с Оренбуржьем (например, «Бедовик», «Вакх Сидоров Чайкин» и др.), но многие созданы на оренбургском материале – «восточные повести» и рассказы «Бикей и Мауляна», «Майна», «Башкирская русалка», «Уральское предание», «Полунощник», очерки «Уральский казак», «Охота на волков», рассказ «Осколок льду», цикл рассказов «Серенькая», «Рассказ Верхолонцева о Пугачеве», зарисовка «Обмиранье» и мн. др.

Неспокойная жизнь жителей пограничного Оренбургского края, самобытность уральских казаков, набеги киргиз-кайсаков на села и станицы и похищение людей, быт и нравы, социальный уклад кочевников – киргизов (так называли в XIX в. казахов), башкир определяли специфику служебной деятельности Даля-чиновника и становились

предметом его научных и художественных исследований. Окружающая действительность, поражавшая экзотичностью, позволяла писателю описывать увиденное, почти не прибегая к вымыслу, фантазии, что вылилось в одну из главных особенностей его творчества – *достоверность*. В письме к Гречу Даль отмечал: «... край здешний представляет смесь необыкновенного, странного, многообразного, хотя еще дикого...»; В.Ф. Одоевскому Даль сообщал: «Быт и жизнь этого народа, казаков, цветиста, ярка, обильна незнакомыми картинами и жизнью – самородою...»[1]

Нередко, стремясь к достоверности деталей, Даль в художественных произведениях этого периода использует архивные документы, чиновничьи справки, рассказы очевидцев.

Многие миниатюры из сборников «Солдатские досуги«, «Матросские досуги» построены на основе услышанных писателем рассказов уральских казаков об их службе.

Почти каждую миниатюру писатель начинает с точного указания года, места события, фамилии персонажа: «В 1822 г. в Киргизскую степь послан был из г. Оренбурга конный съемочный отряд..., казак Щелкунов купался в озере...» («Гол, да исправен»); «В 1834 г. Оренбургского войска сотник Богданов, поехав с одним казачьим малолетком верхом за своим делом...» («Сметливость»); «Летом 1835 г. Уральского войска казак Затворников был на Каспийском море захвачен в плен тамошними морскими разбойниками...» («На своих не пойду!») и т.п. Как правило, основой сюжета миниатюры служит один какой-то эпизод, демонстрирующий трудности казачьей службы (неожиданное нападение киргиз-кайсаков на отряд, например, во время отдыха, опасность быть захваченным в плен, погони и т.п.), показывающий необходимость для казака выработки определенных качеств – сметливости, выдержки, храбрости, мужества, верности долгу и др. Перед читателем предстает вереница экстремальных ситуаций, в которые попадают защитники русских границ.

Сам Даль следование действительным фактам считал главным достоинством, например, своих восточных повестей, особенно «Бикея и Мауляны»: «Скажу, однако, о рассказе, на всякий случай, вот что: не только все главные черты его взяты из подлинного дела, но мне не было даже никакой нужды придумывать ни одного побочного обстоя-

тельства, вплетать какую-нибудь выдумку; все происшествие рассказано так, как было...»[2].

Другой особенностью стилевой манеры Даля является обостренное *внимание* писателя *к географическим, историческим, этнографическим приметам.* Еще современники Даля отмечали умение писателя изобразить любой уголок России, например, Н.В. Гоголь «Его сочинения – живая и верная статистика России», И.С. Тургенев: «...быт, обычаи, города и селения, разнообразную природу нашей Руси рисует он мастерски, немногими, но меткими чертами... Разве не талант – умение одним взглядом подметить характеристические черты края, народонаселения, уловить малейшие выражения разных – говоря высоким слогом – личностей и среди всякого рода дрязгов и мелких хлопот сохранить неизменную, непринужденную веселость?»[3].

Так в повести «Бикей и Мауляна» много страниц отведено жизни, быту и нравам, особенностям речи проживающих в Оренбургской губернии людей разных национальностей, прежде всего киргиз-кайсаков. Далю, как лексикографу, были интересны языковые особенности разных народов (известно, что в Оренбурге писатель изучал татарский язык и пробовал переводить татарские произведения на русский). Рассказывая о Бикее, видящем в степи «мерцающую обманчивой водою даль», писатель размышляет о том, как по-разному называется это явление на разных языках: «...на поэтическом языке древнего Тибета столь выразительно называется жаждою сайги, у арабов сераб, у кайсаков мунар, у французов и русских – мираж, а у – извините – у нашего простолюдина: марево»[4].

Для передачи восточной экзотики писателем введено в текст повестей много слов восточного происхождения *(баранта, батырь, курсук, кун, кади, калым, кунак, чекмень, байгуши и др.)*, пословиц и поговорок *(«Нужда придет, работа не уйдет: на голодного коня травы в поле много, на долгую твою работу дней у бога много»; «Тутовому дереву хорошо расти в ханском саду», «Богатому всюду хорошо, а бедному везде худо»).*

Одним из первых Даль обратился к теме жизни и быта уральского казачества. В казачьем мире Даля поражало многое: одежда *(«казачки... одеваются одинаково – по-русски, богато и даже роскошно», «уралец ходит в бухарском халате, в стеганке», «высокая черная шапка уральца напоминает остаток стрелецкой одежды»)*; промыслы – скотовод-

ство и рыболовство с осенней и весенней плавней и багреньем, в которых участвует все казачье войско; процесс «наемки на службу», быт и нравы.

Наиболее значительным и достаточно известным произведением Даля о казаках является «Уральский казак», считающийся эталонным в жанре «физиологического очерка«. В этом произведении, опубликованном в книге «Наши, списанные с натуры русскими», дано своеобразное литературно-этнографическое исследование жизни и быта уральских казаков с поэтическими зарисовками различных видов рыболовства на реке Урал. Очерк включает в себя подробное описание внешнего вида казака (одежды, прически), его военного снаряжения.

Подробно описывая внешний вид героя, писатель отмечает: «Проклятов ходил под гладкой круглой стрижкой, как все староверы наши, то есть не под русской, не в скобку, а стригся просто, довольно гладко и ровно, кругом. Отправляясь с полками на внешнюю службу, стригся он по-казачьи, или под айдар. На Урале ходил он постоянно в хивинском стеганом полосатом халате и подпоясывался киргизской калтой – кожаным ремнем с карманом и с ножом...»[5].

Эти описания даны Далем в соответствии с принятыми в «натуральной школе» правилами подхода к изображению действительности: исследованием внутренних процессов социальной жизни, вниманием к «нравоописательной» проблематике.

Жизнь в далеком от столицы крае, впечатления, полученные Далем во время многочисленных служебных поездок, дали писателю богатейший материал для размышлений о российских городах. Оренбург привлек внимание писателя прежде всего географической особенностью – расположением на границе Европы и Азии. Различное понимание этой границы дает основание для ироничных размышлений героя рассказа «Европа и Азия»: «Да где же, скажите, начинается Азия, то есть где, собственно, оканчивается Европа? Неужели это такая вещь, которая, как бы сказать, покрыта мраком неизвестности, или это, наконец, тайна природы, до которой люди еще не дошли, несмотря на ученость свою.... Вот, посмотрите, в одной немецкой географии Волга принимается за настоящую границу, и Казань полюбовной сделкой передана Азии; в другой, граница эта: Уральский Кряж, Общий сырт и низовье Волги; в третьей – Уральский хребет и река

Урал; другие толкуют, что вся Оренбургская и Пермская губернии принадлежат Европейской России, а следовательно, и Европе...»[6].

В изображении Оренбурга писатель прибегает к оппозиции *европейский/азиатский, Восток/Запад, столичный/провинциальный*. Оренбург изображен Далем европейским городом как антитеза жизни кайсаков. И рассказ о быте и нравах кочевников дан с позиции европейца, но в произведении не проявляется чувства превосходства цивилизованного человека над «дикарями». В «восточной повести», посвященной жизни киргиз-кайсаков, «Майна» Даль так объясняет свои наблюдения: «Народ этот, при всей грубости своего невежества и черствости души или сердца, по нашему образу чувств и мыслей, не лишен природою ни того, ни другого – ни чувств, ни мыслей»[7]. В повести «Бикей и Мауляна» писатель особенно часто прибегает к сопоставлению жизни, быта, нравов жителей востока и запада, столичного Петербурга и провинциального Оренбурга. Сравниваются не только жилища, но и одежда, прическа, украшения. С улыбкой обращается автор-рассказчик к читателям повести: «...не знаю, приглянулась ли бы вам моя степная красавица с первого раза, особенно если бы вы пожаловали в зауральскую степь прямо с партера Александринского театра, из филармонической залы, с пышного придворного бала...» Самому же автору облик кайсачки кажется приятным: «свежее, дикое, яркое и смуглое лицо, в котором брови, ресницы, очи, губы и подборные, скатного жемчуга зубы украсили бы любую из московских и питерских красавиц...»[8]

Некоторые особенности городской жизни оренбуржцев писатель отмечает с известной долей иронии – например, любовь к транспорту, нежелание ходить пешком: «Оренбург... вмещает в себе почти столько же рыдванов и колымаг, сколько числится в городе малых и больших домов. Куда на них ездят? – спросите вы. – Да мало ли куда: то за угол, то за другой, – визит, дамский визит, сами вы знаете, дело великое, а с визитом не ходить же пешком, да и не ездить же, упаси бог, и на дрожках!»[1]

Во многих произведениях Даля повествование ведется от лица бывалого человека, подробно рассказывающего о различных жизненных ситуациях с иронией, с юмором. Ироничность повествователя-рассказчика – еще одна из особенностей художественных текстов Даля.

Таким образом, для стиля В.И. Даля как прозаика уже в оренбургский период деятельности писателя становятся характерными достоверность, иногда документальность повествования, внимание к этнологическим проблемам, географическим, этнографическим деталям, создание особого образа бывалого человека, выступающего в роли повествователя-рассказчика, частое обращение к иронии, к лексике, пословицам и поговоркам, отражающим быт и нравы, языковые особенности разных народов, различных слоев населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Литературное наследство. Т. 58. С. 145.
2. Даль, В.И. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. Оренбург: ОКИ, 2001. С. 239.
3. Тургенев, И.С. Сочинения. Т.1. М.; Л., 1960. С. 301.
4. Даль, В.И. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. Оренбург: ОКИ, 2001. С. 257.
5. Там же. С. 170.
6. Там же. С. 17.
7. Там же. С. 294.
8. Там же. С. 248.
9. Там же. С. 217 – 218.